

— Поднимись сначала, — Лю И махнул рукой и тихо вздохнул. — Даже если я спрошу, не факт, что он ответит.

— Ответит, — уверенно возразил Сяосы. — Если вы всё ещё сомневаетесь, вспомните времена, когда вы только поступили в Императорскую академию.

— Когда только поступил?

Лю И прикрыл глаза, воскрешая в памяти те дни.

«Когда молодой Ци Цзянь впервые переступил порог Императорской академии, на него косились решительно все. И сам я, признаться, не был исключением».

Но со временем любопытных поубавилось. Желающих сблизиться с нелюдимым юношей или хотя бы завязать с ним разговор почти не находилось. Так продолжалось около двух месяцев, пока однажды великому наставнику не пришла в голову мысль устроить для учеников поэтическую дуэль «летающих цветов», разбив их на пары.

Юный Ци Цзянь, привыкший держаться особняком, понятия не имел, к кому прибиться. Пока вокруг шумели и переговаривались, выбирая напарников, он просто сидел в стороне, молча глядя перед собой.

Цзян Фэньйу быстро нашёл себе пару и, подтащив приятеля к Лю И, бросил вызов:

— Словесное искусство всегда было твоей сильной стороной, молодой господин Лю. Что же, с нетерпением жду твоего выступления.

— О, не сомневайся, — лениво отозвался Лю И, давно привыкший к подобным выпадам. Он огляделся по сторонам и понизил голос: — А почему наследный принц Ци сидит один? Ему никто не предложил пару?

Цзян Фэньйу бросил быстрый взгляд на Ци Цзяня и замялся, подбирая слова.

— Ну же, говори, — Лю И слегка подтолкнул его локтем, не сводя глаз с одинокого юноши.

— Наследный принц Ци с малых лет рос в Пограничных землях. Боюсь, в изящной словесности он... не слишком силен? — Цзян Фэньйу постарался выразиться как можно мягче.

Дело было в том, что один из императорских принцев как-то обмолвился в кругу учеников: мол, наследный принц Ци долго жил в Северных землях, благородным манерам не обучен, с детства привык к насилию на поле боя и отличается вспыльчивым нравом — чуть что, сразу хватается за оружие. Лучше держаться от него подальше. Раз уж сам принц высказался подобным

образом, то кто в здравом уме станет навлекать на себя гнев его высочества ради сомнительного знакомства?

Вспомнив эти слухи, Лю И мысленно вздохнул. Похоже, от школьной травли не застрахованы даже в древнем Китае.

— Молодой господин Лю, может, поделим участь на двоих? — робко спросил кто-то из учеников, заметив, что тот до сих пор без пары.

— Благодарю, но у меня уже есть напарник, — с мягкой улыбкой отказался Лю И.

Под недоумёнными взглядами Цзян Фэня и подошедшего юноши он решительно направился к Ци Цзяню.

— Ваше высочество, не окажете ли мне честь? Как насчёт того, чтобы стать моими руками и сердцем в этой дуэли?

Ци Цзянь едва заметно вздрогнул. Он удивлённо вскинул голову и натолкнулся на весёлый взгляд ясных круглых глаз.

Перед отъездом в столицу отец без конца наставлял его: жизнь в столице — не то же самое, что в Северных землях, здесь нужно взвешивать каждое слово и шаг. К счастью, Ци Цзянь от природы не отличался разговорчивостью, так что одиночество его не тяготило. Однако в моменты, когда требовалось разделить на пары, он неизбежно оказывался в глупом и неловком положении.

И вот теперь этот сияющий юноша одним махом разрешил его затруднение. Ци Цзянь едва заметно кивнул, и уголки его губ дрогнули в слабой, почти невидимой улыбке.

— В каких стихах ты силён? — Лю И без тени смущения плюхнулся на скамью рядом с ним и дружески похлопал по плечу. — Раз уж ты вырос в Пограничных землях, то наверняка знаешь толк в суровой воинской лирике?

— Не особенно, — Ци Цзянь скосил глаза на собственное плечо, куда только что опустилась тёплая ладонь, и качнул головой, умалчивая о деталях.

На самом деле дома ему чаще всего приходилось слушать, как отец под хмельком декламирует заунывные, полные тоски стихи о покинутых жёнах и безутешных девах.

Лю И истолковал его слова по-своему: «Ясно, в поэзии парень полный ноль». Он склонил голову набок, призадумался и заговорщически прошептал:

— Ничего-ничего, положишься на меня. Наша пара сегодня сделает ставку на самую страстную любовную лирику и изысканные романтические оды.

Сама игра в «летающие цветы» стёрлась из памяти Лю И. Всё происходило по привычным правилам: команды поочередно декламировали строки, и если хотя бы один из пары отвечал верно, они проходили в следующий тур. Круг за кругом соперники отсеивались, пока на поле боя не остались лишь двое: команда Цзян Фэнюя и они.

— Следующий иероглиф — «синь», сердце, — объявил великий наставник Цзян, делая знак Цзян Фэнюю начинать.

Тот ненадолго задумался и выдал довольно изящную строчку.

— «О, если б встретить сердце мне под стать, чтоб вместе седину делить и никогда не расставаться», — без запинки подхватил Лю И.

Наставник одобрительно кивнул и вновь повернулся к Цзян Фэнюю.

Тот не ожидал от соперника такой молниеносной реакции. Нахмурившись, он долго перебирал в уме варианты, прежде чем выдать очередную фразу.

Ци Цзянь тоже был поражён. Юноша, который сначала преградил путь его экипажу у ворот академии, а теперь с такой лёгкостью вытащил его из неловкого положения, оказался на редкость одарённым. Он невольно залюбовался им.

— «Лишь уповаю я, что сердце милого подобно моему, и силу чувств ответных ничто не превзойдёт», — произнёс Лю И и задорно подмигнул напарнику.

И хотя Ци Цзянь прекрасно понимал, что тот просто бахвалится своими познаниями, при виде этих сияющих глаз в его груди что-то сладко затрепетало.

Лю И наносил ответы слишком быстро. Цзян Фэнюй сердито свёл брови; его товарищ поспешил на выручку и зачитал строку — не совсем складную, но наставник её засчитал.

«Ха, наивные! — мысленно посмеивался Лю И. — Моя голова набита классикой, которую я зубрил перед экзаменами в прошлой жизни. Пытаться соревноваться со мной в экспромте — чистой воды безумие!»

— «В раскаянии Чаньэ томится, похитив некогда бессмертия настой; средь волн лазурных, в бездне поднебесной, её тоскует сердце ночь за ночью», — отчеканил он.

— Ты... — Цзян Фэнюй сердито воззрился на него. — Почему у тебя все стихи только об этом?

— Об «этом» — это о чём? — Лю И состроил невинную мину. — Если тебе не нравится моя поэзия, так ответь лучше!

Цзян Фэньйу побагровел от злости, но в отведённое время успел-таки выдать из себя ещё одну строку.

— «Пусть нет у нас крылатых перьев феникса, чтоб улететь вдвоём, но наши души связаны незримой нитью тайного согласия», — с широкой улыбкой выдал Лю И и сделал изящный приглашающий жест в сторону соперника.

На этот раз Цзян Фэньйу окончательно исчерпал свой запас. Его симпатичное лицо залила краска стыда и досады.

— Всё? Больше ничего не можешь вспомнить? — Лю И насмешливо прищурился.

— Не радуйся раньше времени! Не верю, что у тебя самого ещё хоть что-то осталось! — процедил сквозь зубы упрямый юноша.

Лю И даже не удостоил его ответом. Вместо этого он повернулся к своему молчаливому соратнику:

— Как думаешь, у меня получится?

Встретившись с этим пылающим азартом взглядом, Ци Цзянь послушно кивнул:

— Получится.

Лю И просиял:

«Ишь как за меня горой стоит! Знай наших!»

Почувствовав прилив вдохновения, он по-братски приобнял Ци Цзяня за плечи и с победным видом провозгласил:

— «Душа моя — тончайшая шёлковая сеть, в которой завязаны тысячи узлов тоски» — есть тут слово «сердце»? «На горах растут деревья, у деревьев есть ветви; сердце моё полно любви к тебе, но ты о том не ведаешь» — есть здесь сердце? «Позволь спросить: разве бурные приливы сравнятся с постоянством твоей любви и преданностью моего сердца?» — и здесь тоже есть, верно?

Ощущая плечом чужое живое тепло, Ци Цзянь словно провалился в туман. Голоса вокруг

доносились как сквозь толщу воды, и он почти не вникал в смысл декламируемых строк. Очнулся он лишь тогда, когда под сводами класса раздался зычный, восхищённый голос великого наставника:

— «Подобно бурлящему источнику» — эти слова как нельзя лучше подходят нашему Ючэню! Изрядный талант!

Мало того что они заслужили личную похвалу учителя, так их паре ещё и присудили наивысший балл за урок. Ци Цзянь, за всё время не произнёсший ни единого слова, разделил этот триумф на равных.

Лю И весело ткнул его локтем в бок:

— Ну что, каков я?

Ци Цзянь согласно кивнул.

— Мы ведь получили высшую оценку, верно? — Лю И заговорщически подмигнул. — Не полагается ли мне за это небольшая награда?

В его памяти это был первый раз, когда он посмел что-то потребовать от наследного принца.

Ци Цзянь на мгновение растерялся, но затем мягко спросил:

— И чего же хочет молодой господин Лю?

— Зови меня Лю И, — юноша забавно захлопал ресницами и придвинулся ближе, заговорив таинственным шёпотом: — До меня дошли слухи, что в Императорский зверинец доставили диковинных существ. Не мог бы ты провести меня туда посмотреть?

Тот зверинец во многом напоминал королевские зоопарки из его прошлой жизни. Вот только вход туда был разрешён исключительно членам императорской семьи. Среди однокашников Лю И числились и наследный принц, и третий принц Хуа Цюн, но связываться с главными героями этой истории ему очень не хотелось. Единственным доступным человеком с нужными привилегиями оставался молодой наследный принц Ци.

— Ты хочешь в Императорский зверинец? — удивился Ци Цзянь.

Лю И закивал с такой частотой, что едва не снёс себе голову. Обычные звери его мало интересовали, но поговаривали, что среди новоприбывших диковин был настоящий цилинь! Легендарный цилинь! Лю И прямо-таки сгорал от любопытства.

Ци Цзянь на мгновение задумался, а затем покачал головой:

— Нельзя.

— Это ещё почему? — Лю И разочарованно надул губы, уставившись на него несчастным взглядом.

Ци Цзянь промолчал.

Будучи сыном князя с иной фамилией, он не являлся прямым родственником правящей династии. Проникнуть в зверинец при желании было возможно, но подавать прошение императору ради такой нелепой прихоти едва ли стоило — он ведь только-только прибыл в столицу. К тому же отец строго-настрого наказывал ему не высовываться и не привлекать к себе лишнего внимания.

— Совсем-совсем нельзя? — с надеждой переспросил Лю И.

— Почему же... При определённых условиях это возможно, — внезапно уступил Ци Цзянь, не выдержав этого умоляющего взгляда.

— Правда? Есть способ? — Лю И мгновенно оживился.

Молодой наследный принц кивнул:

— Но у меня есть одно условие.

— О, так вы всё-таки вспомнили? — заметив долгую паузу, Сяосы робко нарушил молчание.

— Про зверинец-то? — Лю И кивнул.

Тогда, только-только оказавшись в этом теле, он ещё с трудом соображал и плохо понимал законы чужого мира. Лишь теперь, по прошествии времени, до него дошло, скольких усилий и риска стоило Ци Цзяню то решение.

— Это был первый раз, когда молодой господин пошёл против воли старого князя и всё устроил на свой страх и риск, — подтвердил слуга.

А условием Ци Цзяня тогда было состязание в верховой езде. Если Лю И победит, они отправятся в зверинец.

«Что за ребячество? — сокрушался тогда Лю И. — Обычный поход в Императорский зверинец, а обставили так, словно мы тут невесту на турнире завоёвываем!»

— Что ещё за турнир для невесты? — не понял тогда Ци Цзянь.

— Ну, это когда мужчины бьются не на жизнь, а на смерть, и победителю в награду достаётся первая красавица, — без лишних церемоний разъяснил Лю И. Немного посомневавшись, он всё же не устоял перед соблазном увидеть легендарного зверя: — Ладно, пусть будет турнир. Уговор в силе: если я выиграю, ты ведёшь меня к диковинным тварям.

Состязание назначили через пять дней. Но на исходе четвертого дня Лю И внезапно осознал, что у него нет подходящей лошади.

Питая слабую надежду на чудо, он крутился возле Ци Цзяня, пока наконец не решился спросить:

— Слушай... Ваше высочество, а не подкинешь ли мне коня на денёк?

Ту гонку он выиграл на удивление легко и беззаботно. После победы он ещё долго ходил гоголем, искренне полагая, что обладает выдающимся талантом наездника.

И только сейчас до него дошло. Ци Цзянь с малых лет рос в седле среди бескрайних Северных земель, где скакать учатся раньше, чем ходить. Как он мог уступить какому-то городскому хлыщу, едва державшемуся в стремях? Этот хитрец попросту поддался ему, чтобы получить благовидный предлог и выхлопотать разрешение на посещение зверинца!

— Молодой господин Лю, вы ведь помните? Наш наследный принц тогда не просто уступил вам победу, он одолжил вам своего самого любимого скакуна, — напомнил Сяосы.

Правда колола глаза. Лю И почувствовал себя неловко и поспешил поднести к губам чашку с чаем:

— Твоя прямота порой обескураживает. Даже возразить нечего.

Сяосы, видя, что хозяин не сердится, продолжал увлечённо подливать масла в огонь:

— А когда Князь Ци прознал об этой выходке, он прислал из лагеря гневное письмо и устроил молодому господину знатную головомойку.

— Ого. И за что же ему влетело?

— Старый князь написал, что его сын совсем лишился разума из-за любви и потерял голову от смазливового личика.

«Потерял голову... из-за любви?»

Лю И едва не поперхнулся чаем, его лицо залил густой румянец.

Сяосы покосился на окно. Солнце клонилось к закату, и нужно было успеть разжалобить молодого господина до возвращения хозяина усадьбы.

— Вы ведь не знаете, но старый князь всегда души не чаял в сыне и никогда прежде на него голоса не повышал. После того письма молодой господин ещё долго ходил сам не свой, изнывая от тоски.

— Вот как?.. — Лю И представил себе юного Ци Цзяня, без вины виноватого, получившего нагоняй от грозного отца ради того, чтобы сводить приятеля поглазеть на диковинных зверей. В груди разлилось странное тепло, а на губах сама собой появилась глупая улыбка. — И что, он даже не попытался оправдаться? Просто молча стерпел?

— Молодой господин хотел написать ответ, — Сяосы выразительно посмотрел на Лю И. — Да только не успел он подобрать нужные слова, как снова натворил ради вас глупостей.

<http://bllate.org/book/20072/2001742>